К 45-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН
И 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Б. Ф. ЛОМОВА

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА РАЗВИТИЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ
ПСИХОЛОГИИ СУБЪЕКТА

© 2017 г. Е. А. Сергиенко

*Доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник
лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях,
ФГБУН Институт психологии РАН, Москва;
e-mail: elenas13@mail.ru*

Подводятся итоги научной работы лаборатории психологии развития Института психологии РАН за 2012–2016 гг. Анализируются теоретические разработки лаборатории: в том числе системно-субъектный и субъектно-аналитический подходы, отражающие развитие психологии субъекта в психологии. Данные подходы реализуют принцип развития в современном обогащенном и расширенном варианте через принципы субъектности, системности, непрерывности, неопределенности. Раскрывается возможность создания интегративной психологии развития субъекта. В представленных результатах экспериментальных исследований проводится верификация теоретических гипотез, а также обобщение и уточнение основных теоретических подходов.

Ключевые слова: принцип развития, принцип субъектности, системно-субъектный подход, субъектно-аналитический подход, контроль поведения, модель психического, экзистенциальный опыт

В статье, посвященной 40-летию Института психологии РАН, были представлены как теоретические, так и эмпирические результаты работы лаборатории психологии развития. В настоящей работе подводятся итоги научных поисков за прошедшие пять лет. В непростые годы реорганизации РАН в целом и Института психологии РАН в частности, научное направление *психологии развития* продолжает реализацию новых идей и новых экспериментальных исследований в психологии субъекта.

За прошедшие 45 лет в Институте психологии РАН продолжает кристаллизовываться научная школа, для становления которой прошедшие годы — это незначительный период. Однако все эти годы усилиями старшего и молодого поколений ученых осуществляется сплав научных направлений, заданных С.Л. Рубинштейном, Б.Г. Ананьевым, П.К. Анохиным, Б.Ф. Ломовым, А.В. Брушлинским и их последователями. В этом теоретико-методологическом “котле” формируется современная психологическая школа, в которой вместо моноидеи или монопарадигмы оформляются черты полипарадигмальности и междисциплинарности, системности и субъектности, рациональной логики и интуиции — т.е. черт науки постнеклассического этапа развития. Кроме того, несмотря на то, что главной задачей Института психологии РАН является решение фундаментальных научных проблем, такая

фундаментальная направленность становится надежной основой в решении самых актуальных проблем современного общества [21; 22; 24].

Свой вклад в данный процесс научного развития внесла лаборатория психологии развития ИП РАН, осуществляющая разработку психологии субъекта, применяя принцип развития как основной.

Принцип развития является стержневым не только для психологии, но и для современной науки в целом. Но именно в психологии он интенсивно разрабатывался, поскольку психическая организация человека и животных находится в постоянном динамическом процессе, изменениях и преобразованиях на пути онтогенетического развития. Л.И. Анцыферова писала в книге “Принцип развития в психологии” в 1978 г.: “Взаимное обогащение на новом методологическом уровне принципа развития и системного подхода особенно необходимо в области психологии, имеющей дело с психической организацией жизнедеятельности человека, — с системным объектом, высочайшей степени сложности и пластичности, находящегося в постоянном становлении и преобразовании” [1, с. 5]. Далее она отмечает, что в психологии развития все более используются различные “системные” понятия: иерархия, уровни, саморегуляция, структура, организация, интеграция, а само развитие начинается

пониматься как системно-целостный процесс. Кроме того, сближение категорий развития и системности обусловлено общим характером необратимых изменений, который выделен для системных объектов.

За прошедшие годы произошло существенное расширение принципа развития. М.С. Гусельцева, ссылаясь на исследования А.Г. Асмолова, Т.В. Корниловой, А.Н. Поддьякова, Е.А. Сергиенко и других авторов [2; 12; 18; 29 и др.] пишет: “Расширения принципа развития в современной психологии описываются в категориях разнообразия и вариативности, неопределенности и непредсказуемости, гетерогенности (разнородности) и гетерохронности (неравномерности), континуальности и контекстуальности, а также сложности, антиципации, компликологии и т.п.” [7, с. 24]. Оставаясь стержневым и основным принципом в психологии, принцип развития, пользуясь сравнением М.С. Гусельцевой, как бы “нанализует” на себя все остальные принципы как “бусины”, создавая общее “ожерелье” методологии психологии развития, да и общей психологии. Мультипарадигмальность, междисциплинарность и трансдисциплинарность современной науки диктуют переход к обобщающим моделям развития и поиску ее категориального строя, отражающего взаимодействие, взаимовлияние, взаимодействие, взаимоперенос не только внутри разных областей психологии, но и с другими науками (биологией, социологией, философией, историей, лингвистикой и т.д.) [23].

Для психологической науки *категория субъекта* стала тем интегративным понятием, которое позволяет разрабатывать обобщающие модели развития человека на основе обогащения принципа развития.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ

В настоящее время можно говорить о существенном продвижении и обосновании двух вариантов психологии субъекта: системно-субъектном [28; 31; 32] и субъектно-аналитическом подходах. Последний подход сформировался на основе психологии человеческого бытия [8–10].

Субъектно-аналитический подход. Психология человеческого бытия рассматривает категорию опыта в качестве краеугольного камня субъектного подхода [8]. В.В. Знаков полагает, что в современной психологии происходит становление нового этапа познания, на котором во многих исследованиях ключевую роль начинает играть анализ не сознания, знания и переживания,

а интегративного феномена *опыта* – индивидуального и надличностного. Экзистенциальный опыт направляет весь ход жизни человека, осуществляет ценностно-смысловую регуляцию. В экзистенциальном опыте сконцентрировано общее знание субъекта о человеческой природе, фундаментальной прагматике жизни. Понятие индивидуального ментального (умственного) опыта, в котором инвариантно воспроизводятся объективные закономерности отображаемого фрагмента реального мира, тщательно и детально проработано [42]. Определение экзистенциального опыта значительно сложнее. На основе анализа научной литературы Знаков выделил три компонента экзистенциального опыта субъекта: тезаурусный, интенциональный и этический [9]. Опыт оказывается важным и необходимым вследствие ограниченности научных и обыденных знаний, не обладающих потенциальной способностью содержательного определения многих сфер жизни людей. В мире человека есть множество событий и ситуаций, не дающих субъекту возможности не только истинного, но даже и правильного их описания. Субъект может только постичь возникающие проблемы, так как у него нет достоверных знаний и осознанных мнений, на основании которых можно разрешить неизбежный конфликт моральных и социальных ценностей. Понятие экзистенциального опыта имеет большое значение для психологии человеческого бытия, во-первых, потому, что все относящееся к опыту должно рассматриваться в континууме между субъектом и миром. Во-вторых, экзистенциальный опыт – это то, что нельзя выразить в категориях ни сознания, ни бессознательного: он представляет собой сплав языка как формы общественного сознания и невербализуемой субъектности, унифицированного общего в человеке и его трудно выразимой словами индивидуальности. Вместе с тем опыт играет конституирующую роль в формировании ситуаций и событий – интегративных единиц человеческого бытия.

Новый этап современного развития психологии субъекта связан с увеличением сложности проблемы понимания: различение трех реальностей мира человека (эмпирической, социокультурной и экзистенциальной) и обоснование причины различий и особенностей их понимания. При этом автор вносит существенный вклад в расширение понятия субъекта путем анализа его внутреннего мира, членя его на реальности не как отдельные элементы, а как составляющие интегративную картину мира. Но именно это аналитическое членение позволяет продвинуться к выделению психологических

механизмов понимания мира субъектом. Аналитическая составляющая в данном подходе возвращает нас к методу анализа через синтез, используемого в школе Рубинштейна, где анализ и синтез выступают не как последовательные, а как одновременно существующие тенденции. “Анализ здесь, как ни парадоксально, выступает в смысле синтеза, или собственно аналитики” [6, с. 20]. Кроме того, аналитичность является проявлением человеческого ума, которая играет значительную роль в рефлексии и переживаниях — ментальных механизмах понимания себя и мира. При этом переживание не всегда поддается рефлексии, но также включается в отношении субъекта к бытию, в процессы отражения и порождения, интегрирующиеся в феномене смысловой детерминации ситуаций человеческого бытия. “Включение переживания в структуру смысловой детерминации обусловлено тем, что возникновение психического состояния субъекта связано с бытием и отражением бытия самого субъекта, а также с отражением его отношения к бытию. Презентация этого отражения в сознании человека осуществляется не в виде образов, а в виде переживаний” [20, с. 46]. Таким образом, в исследованиях В.В. Знакова представлена сложная, полимодальная картина понимания субъектом мира, расширяющая наши представления и о субъектности, и о необходимости анализа психического развития через принцип субъекта, который расширяет и обогащает принцип развития.

Экзистенциальное понимание жизни и смерти на примере террористической угрозы также изучалось В.В. Знаковым. Эмпирическое исследование различий в понимании террористической угрозы людьми, в неодинаковой степени обладающими знаниями о ситуациях совершения терактов и способов взаимодействия властей с населением и террористами. Ситуации, предьявляемые для понимания, содержали описание выкупа заложников во время второй чеченской войны, ситуацию с захватом Норд-Оста, сравнение российской и западной государственной политики в отношении переговоров с террористами. Кроме личностных опросников испытуемые отвечали на двенадцать вопросов, которые касались четырех предметных областей: представлений о личностных и социально-демографических характеристиках террористов, оценки вероятности стать жертвой теракта, отношения к методам проведения контртеррористических операций, отношения к мусульманам.

Исследование проводилось на протяжении 2012–2013 годов в г. Москве. Гипотеза о том, что есть различия в понимании террористической угрозы людьми, которые в большей или в меньшей степени знают о причинах и обстоятельствах совершения террористических актов в современной России, подтвердилась. После сообщения участникам большей информации степень согласия с тем, что террористов надо уничтожить, понизилась у всех групп. Так же понизилась степень согласия с тем, что террористы — это психически неуравновешенные религиозные фанатики. Выросла степень согласия с тем, что государство должно бороться с террористами правовыми методами [9].

Системно-субъектный подход и психическое развитие. Разработка системно-субъектного подхода также отражает поиск общих оснований в изучении человека, его развития. Подробное обоснование данного подхода представлено в работах автора [28, 31; 32]. Значение данного подхода состоит в следующем. Во-первых, категория субъекта позволяет обратиться к *целостному* изучению человека. Во-вторых, категория субъекта способствует объединению разрозненных аспектов в изучении индивидуальности (темперамента, характера, направленности) в единую интегративную *индивидуальность* человека. В-третьих, обращаясь к исследованию субъекта, открывается возможность изучать поведение, деятельность, сознание, как *опосредованные* внутренним миром человека, его субъектными выборами и предпочтениями, его активным построением модели этого мира. Выделенные значения категории субъекта возникли в развитии психологии неслучайно [25]. Этому способствовало взаимное проникновение разных парадигм в исследовании человека, осознание единого предмета в его изучении, что породило не только рост междисциплинарных исследований, но и становление целостной психологической науки.

В каком соотношении находится данный подход с современными тенденциями в психологии по созданию интегративных теорий психического развития?

Если сравнивать данный подход с широко распространенной и обсуждаемой в зарубежной психологии теорией динамических систем, которая позиционируется как метатеория [33; 35; 46], то она имеет существенные концептуальные пересечения с системным и особенно системно-эволюционным подходами: системность, непрерывность, саморазвитие, единство восприятия и действия), а в некоторых аспектах

системно-эволюционный подход является более разработанным (в области системогенеза и гипотезы селективного системогенеза). Возникшие дискуссии в рамках теории динамических систем относительно необходимости уровневой интеграции, выделения форм организации высокого порядка в рамках системно-субъектного подхода снимаются. Поскольку субъектная организация предполагает как непрерывность развития, так и качественно различные уровни своей системной организации, это позволяет объединить процессуальность и стадийность развития.

Критерий субъекта может быть только уровнем. Применение континуально-генетического принципа позволило выделить несколько уровней непрерывного становления субъектности — от протоуровней в раннем онтогенезе до уровней агента, наивного субъекта, субъекта развития, субъекта деятельности, субъекта жизни [28].

В отличие от другой общей модели психического развития А. Самероффа (*Sameroff*), где выделяются биологические и средовые детерминанты [44], системно-субъектный подход, предполагая генетико-средовую обусловленность и взаимодействие, не выделяет в психическом развитии отдельно биологические, социально-экологические и собственно психологические составляющие. В развитии психические процессы и есть системная результирующая взаимодействия биологического и социального.

Второе деление в концепции Самероффа на Я—Другие представлено и раскрыто в общих категориях субъекта и личности, которые становятся разными сторонами единой психологической сущности человека. Я—Другие представляют собой непрерывное взаимодействие в становлении как структуры, так и функций субъекта и личности [31; 32]. В общей модели психического развития Самерофф выделяет подсистемы, позволяющие описать целостное развитие: модель персональных изменений, контекстуальная модель, модель регуляции и модель репрезентаций [45]. В системно-субъектном подходе также разрабатываются конструкты, которые позволяют анализировать функции субъекта и функции личности как сторон единого психического развития человека.

Напомним специфику категорий субъекта и личности, а также функций, которые они выполняют в развитии. Предполагается следующее гипотетическое решение. Личность (персона) — это стержневая структура субъекта,

задающая общее направление самоорганизации и саморазвития. Метафорически это соотношение можно представить в виде командного и исполнительного звеньев. Личность задает направление движения, а субъект — его конкретную реализацию через координацию выбора целей и ресурсов индивидуальности человека. Тогда носителем содержания внутреннего мира человека будет выступать личность, а реализацией в конкретных жизненных обстоятельствах, условиях и т.п. — субъект. В этом случае человек будет *осуществлять зрелые формы поведения в зависимости от степени согласованности в развитии континуума “субъект — личность”* [31].

Выделяя категорию субъекта как центральную в системно-субъектном подходе [28], необходимо найти те специфические функции, которые дифференцируют ее от других категорий психологической науки. Эти функции должны обладать статусом системности и субъектности одновременно.

Мы полагаем, что в качестве *когнитивной функции* по отношению к субъектности выступает понимание, *коммуникативной функции* — континуум субъект—субъектных и субъект—объектных взаимодействий, в качестве *регулятивной функции* — контроль поведения и самопроизвольность. Контроль поведения рассматривается нами как интегративная характеристика, включающая когнитивный контроль, эмоциональную регуляцию и контроль действий (произвольность) (подробнее см. [26]). Выделяя функции субъекта, мы надеемся не только уточнить критерии субъектности, дифференцировать структуры личности и субъекта, но и полнее представить картину уровневого развития субъекта.

Для личности специфика функций может быть описана по аналогии с функциями субъекта: когнитивная — осмысление (порождение смыслов, личностных смыслов, ценностей, смысложизненных ориентаций); переживание как регулятивная функция, которая указывает на отношение к событию или ситуации, приводя к возможным изменениям в Я-концепции; и коммуникативная функция — направленность на определенные значимые стороны реальности. При таком решении функции субъекта и функции личности, как две неразрывные стороны человеческой организации, тесно переплетены. Только при условии наличия смыслов возможно понимание, только при переживании появляется возможность смыслопорождения и изменения

поведения, контроля поведения, только определенная направленность личности ведет к избирательности и определенному характеру коммуникативных взаимодействий. При этом на разных уровнях психического развития человека эти функции реализуются в соответствии с уровнем развития личности и субъекта. Реципрокность функционального взаимодействия субъекта и личности открывает возможность не только анализа развития психологической зрелости человека как гармоничного соответствия организации этих интегративных подсистем человеческой индивидуальности [19; 40], но и позволяет связать воедино представления о содержательных основах внутреннего пространства человека и особенностях выборов, действий и поступков во внешнем социальном пространстве.

Данная гипотеза предполагала более детальную разработку и эмпирические доказательства для анализа функций субъектно-личностных взаимодействий и взаимоотношений в процессе психического развития. Наиболее разработанными гипотезами в настоящее время являются гипотеза контроля поведения как регулятивной функции субъекта и модель психического как ментального механизма понимания.

По сравнению с моделью Самероффа, вводящей подсистемы регуляции и репрезентации, данные гипотезы (контроль поведения и модель психического) детализируют и демонстрируют свой потенциал в интерпретации некоторых особенностей психического развития.

Кратко опишем доказательства гипотез о субъектной регуляции (контроле поведения) и ментальной организации, когнитивной функции (модели психического), полученные за последние годы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Контроль поведения рассматривается как единая система, включающая три подсистемы регуляции (когнитивный контроль, эмоциональную регуляцию, волевой контроль), которые основаны на ресурсах индивидуальности и интегрируются, создавая индивидуальный паттерн саморегуляции. Уровень развития данной интегративной характеристики определяется уровнем развития человека как субъекта, отражающего степень интегративности всех его психических особенностей и свойств. Эффективность контроля поведения связана с возможностями реализации

психических ресурсов для решения жизненных задач, значимость которых определяется субъектом, им же отбираются осознанно и/или неосознанно стратегии их решения. Соотношение стратегий решения может указывать на профиль контроля поведения, на ресурсы функционирования которого они опираются.

В предыдущих экспериментальных верификациях данной гипотезы была показана ее экспериментальная валидность: получены доказательства индивидуального своеобразия успешности адаптации у людей с низким и высоким уровнем актуализации ресурсов [26]. За последние годы был выполнен еще ряд экспериментальных исследований контроля поведения. Наиболее важными для понимания и верификации гипотезы контроля поведения являются исследования его развития в онтогенезе.

В исследованиях *Г.А. Виленской* изучалась динамика развития контроля поведения и его компонентов в младенческом, дошкольном и младшем школьном возрасте. Исследования на дошкольниках и младших школьниках выполнены в последние пять лет. Показана как внутрисистемная гетерохрония развития контроля поведения (его компонентов), так и межсистемная гетерохрония в развитии контроля поведения и модели психического. Обнаружена также динамика связей между эмоциональным контролем с одной стороны и когнитивным контролем и контролем действий — с другой, имеющая волнообразный характер наличия/отсутствия взаимосвязей и их знака. Гетерохрония рассматривается как один из механизмов развития контроля поведения, способствующий его переходу на новый уровень, отражающий системные перестройки в этом процессе [4].

Лонгитюдное исследование *Е.В. Вантеевой*, выполненное под руководством автора, посвящено проблеме развития контроля поведения у дошкольников в процессе адаптации к детскому учреждению, что может быть связано с различными возможностями актуализации индивидуальных ресурсов ребенка, такими как когнитивный контроль ситуации (способность к когнитивному анализу, предвосхищению и планированию деятельности), уровень эмоциональной регуляции (процессы управления уровнем и способом выражения эмоций), произвольность в регуляции действий (от контроля отдельных движений или их компонентов до построения последовательных целенаправленных действий, организации поведения) [3]. Эти составляющие контроля поведения не являются независимыми друг от

друга, а интегрированы в единую систему. Дети 3–4 лет изучались в периоды до посещения ими детского сада, через месяц регулярного посещения детского сада и через год. Наряду с оценками детей использовались экспертные оценки детей родителями и воспитателями. На основании проведенного исследования можно заключить, что в процессе привыкания к детскому саду дети 3–4 лет демонстрируют индивидуальное своеобразие паттернов контроля поведения в адаптивном и дезадаптивном вариантах. Взаимосвязь высокого уровня когнитивного и волевого контроля с уровнем аффективной пластичности и уровнем аффективной экспансии (высокие уровни эмоциональной регуляции) отражает индивидуальный паттерн контроля поведения в адаптивной группе. В дезадаптивной группе выявлена взаимосвязь низкого уровня когнитивного и волевого контроля с уровнем аффективных стереотипов и уровнем эмоционального контроля (низкий уровень эмоциональной регуляции), что является паттерном контроля поведения трудно адаптирующихся детей.

Исследование контроля поведения у людей с разной степенью регламентации профессиональной деятельности может рассматриваться как попытка сопоставить взаимодействие внутренних ресурсов с внешними условиями. При жесткой регламентации деятельности контроль поведения оказался более согласованным в своих составляющих (когнитивный контроль, эмоциональная регуляция и волевой контроль), но в меньшей степени связанным с субъективным благополучием и личностными смысложизненными ориентациями. Напротив, представители нерегламентированных профессий в большей степени подчиняют свое поведение эмоциональной регуляции и личностным смыслам, т.е. наиболее сильно ориентируются на внутренние ресурсы своей профессиональной деятельности. Это может быть обусловлено тем, что жизнь тех людей, профессия которых не регламентирована, тесно связана с самоорганизацией. От того, как они смогут построить свою работу, будет зависеть и успех выполняемой деятельности, и материальный достаток, и дальнейшее профессиональное развитие и т.д. Поэтому регуляция своего поведения в рамках данных профессий приобретает особую значимость и оказывается напрямую связанной с удовлетворенностью жизнью, субъективным счастьем и субъективным возрастом [17].

В группе летного состава ВВС контроль поведения также играет важную роль в профессиональной деятельности, однако, ввиду внешней

регламентации условий деятельности, он направлен на выполнение конкретного задания и не имеет прямого отношения к субъективному благополучию. Субъективный возраст, наоборот, выражает отношение военных летчиков к службе через их стремление чувствовать себя моложе, т.е. в желании как можно дольше оставаться в профессии. Это также находит свое отражение во взаимосвязях субъективного возраста и таких компонентов когнитивного контроля поведения, как планирование и оценка результатов.

Жизнеспособность представителей и той, и другой группы приводит к их адаптивному поведению, при этом они разными путями достигают поставленных целей и по-разному соответствуют требованиям социального окружения. Контроль поведения как субъектная регуляция в различных вариантах согласуется с личностными образованиями, определяя своеобразие реализации внутренних ресурсов человека. Тот или иной тип внешней профессиональной деятельности выбирался людьми в соответствии с их индивидуальными особенностями и возможностями, о чем свидетельствует продолжительный срок профессиональной реализации этих людей. Требования профессии определяют своеобразие соотношения субъектно-личностных характеристик, где контроль поведения выступает основой внутренних психологических механизмов регуляции [17].

Эмоциональный интеллект (ЭИ) становится подсистемой эмоциональной регуляции, поскольку отражает способность понимания и регуляции эмоций. Данное предположение было проверено в нескольких экспериментальных работах. Исследования показали тесную взаимосвязь основных компонентов контроля поведения и значимый вклад эмоциональной регуляции в процессы адаптации. Так, в диссертационной работе *Т.С. Киселевой* (2015), выполненной под руководством *Е.А. Сергиенко*, ставилась задача проверить возможность рассматривать ЭИ как эмоциональную регуляцию и предиктор различных сторон жизнедеятельности. В изучении эмоционального интеллекта как способности к эмоциональной регуляции было показано, что продуктивное совладание в большей мере наблюдается у людей с высокими показателями эмоционального интеллекта, также как и более высокая саморегуляция и субъективное экономическое благополучие [11]. Уровень эмоционального интеллекта взаимосвязан с уровнем субъективного экономического благополучия человека, в большей степени – со шкалами “финансовая

депривированность” и “экономическая тревожность”, что означает, что люди с высоким уровнем эмоционального интеллекта меньше подвержены “финансовому” стрессу. По результатам этого исследования было определено, что уровень дохода значимо связан с уровнем ЭИ (т.е. у людей с более высоким ЭИ выше уровень дохода).

Способности идентификации и сознательно-го управления эмоциями являются ключевыми феноменами в структуре ЭИ и имеют решающее значение для большинства параметров эффективности жизнедеятельности. Следовательно, можно говорить о том, что эмоциональная составляющая контроля поведения становится внутренним ресурсом жизнеспособности, показателями которой выступают совладание и саморегуляция поведения [11; 13].

Совместно с *И.И. Ветровой* продолжалась работа над адаптацией теста ЭИ Дж. Мэёйера, П. Сэловея и Д. Карузо “Эмоциональный интеллект” (*MSCEIT v. 2.0.*) [27] и на основе русскоязычной выборки (3820 человек) проведен завершающий этап апробации теста, проведены психометрические проверки, что позволяет использовать данную методику как надежный инструмент в оценке ЭИ.

Кроме того, был получен важный аргумент правомерности выделения контроля поведения как ресурса регуляции в междисциплинарном исследовании генетико-молекулярных маркеров у женщин, испытывающих предродовой стресс. Результаты показали, что гомозиготные генотипы *CC* и *VV* минералокортикоидного рецептора *NR3C2* и генотип *SS* глюкокортикоидного рецептора *N363S* становятся предиктором риска низкого и несогласованного контроля поведения у женщин с неблагоприятным течением беременности [41]. Полученные данные подтверждают предположение о существовании внутренних основ контроля поведения.

Проведено сравнение контроля поведения как атрибута субъекта и категории жизнеспособности. Рассматривая контроль поведения как основу и жизнеспособности, и саморегуляции, автором с системно-субъектных позиций сделана попытка подойти к разработке сложнейшей проблемы индивидуальных вариантов человеческой регуляции. Подобное сравнение также становится аргументом выделения контроля поведения как интегративного феномена регуляции субъекта.

В последние пять лет проводятся исследования субъективного возраста как регулятора жизнедеятельности. Субъективный возраст человека — это

самовосприятие собственного возраста. Когнитивная иллюзия возраста — разница между хронологическим и субъективным возрастом человека, которая возникает в процессе жизни человека. Мы относим субъективный возраст именно к личностным образованиям, поскольку он указывает на субъективную возрастную идентичность. В наших исследованиях была подтверждена универсальность когнитивной иллюзии возраста при исследовании респондентов от 20 до 90 лет [16; 31; 34; 35]. Однако наиболее интересным является вопрос об индивидуальных вариантах возрастной идентификации и ее роли в регуляции жизнедеятельности.

Совместно с аспиранткой *Ю.Д. Куреевой* был проведен дифференцированный анализ субъективной возрастной идентичности у людей 20–70 лет. Дифференцированный анализ феномена субъективного возраста — то есть выделения внутри одного возраста людей с адекватной возрастной идентичностью (близкой к хронологическому возрасту), занижающих (моложе) и завышающих (старше) свой возраст, — показал специфику реализации субъективной идентичности, детализирующей общие тенденции. При сравнении дифференцированного анализа с общими тенденциями, полученными в целом на группах 20–30, 40–50 и 60–70-летних респондентов, показано, что существуют значимые различия для подгрупп занижающих, завышающих и адекватно оценивающих свой возраст в отношении к временной перспективе, физическому и психическому здоровью, в сопряженности с социально-экономическими факторами и вредными привычками. Дифференцированный анализ субъективного возраста отличается от общих тенденций возрастных групп и раскрывает смысл субъективного восприятия возраста как регулятора жизнедеятельности людей разных возрастов [34].

Субъективный возраст в группе пожилых и старых людей от 55 до 90 лет выступает предиктором субъективного восприятия качества жизни, временной перспективы, модели психического, что продемонстрировано в диссертационном исследовании *А.И. Мелехина*, выполненном под руководством автора [15; 16, 33].

В исследовании солдат срочной службы и офицеров, постоянно проживающих в военном гарнизоне, проверялась гипотеза о регуляторной роли субъективного возраста в собственном поведении. Данные о выраженности эмоционального выгорания показывают, что у солдат оно в целом выше, чем у офицеров, хотя показатели по шкале “Редукция личных достижений” идентичны.

Вероятно, что среда военного гарнизона менее всего ориентирована на индивидуальные и личные достижения, ставя иные личностные задачи, прежде всего, подчиненные исполнению воинской обязанности. Просоциальная ориентация стратегий совладающего поведения и у солдат, и у офицеров, указывает на адекватную регуляцию фрустрационных факторов (см. также: [36; 37]). Но используемые ресурсы у молодых людей, их наставников и командиров различны. Если в группе солдат существует тесная связь контроля поведения с субъективным возрастом, то у офицеров субъективный возраст не играет существенной роли в контроле поведения. Это означает большее напряжение и требование к индивидуальным ресурсам в группе солдат, чем у офицеров, чей статус в гарнизоне и опыт жизни способствует адаптации к ней. При этом солдаты, воспринимающие себя еще моложе своего возраста, оказываются более уязвимой группой, чем адекватно оценивающие и переоценивающие свой возраст. Во-первых, контроль поведения теснее связан с социальным и интеллектуальным возрастaми, т.е. чем в большей степени они субъективно моложе оценивают свой возраст действий и интересов, тем в большей степени это сопряжено с контролем поведения. Во-вторых, у солдат, занижающих свой возраст, обнаружены связи со смысло-жизненными ориентациями. Следовательно, чем моложе себя чувствуют молодые люди, тем больше усилий требуется для сохранения собственных экзистенциальных целей и большего контроля своих жизненных ценностей. Можно предположить, что гибкая субъективная идентификация у молодых людей становится личностным фактором, направленным на реализацию субъектных ресурсов (контроль поведения, защитные механизмы), поддержание личностных смысловых ориентаций, сохранение своей индивидуальности.

У офицеров возрастная идентичность скорее сама становится ресурсом, указывая на возможности адаптации и оценку всех имеющихся ресурсов, что означает, по-видимому, большую уверенность в реализации личностных задач [30].

Обобщив результаты изучения субъективного возраста на данном этапе исследований, можно утверждать, что если у молодых людей субъективное снижение возраста становится предиктором напряжения в самореализации и преодолении трудных жизненных ситуаций, то у пожилых людей более молодой субъективный возраст выступает внутренним ресурсом совладания с проблемами старения. Таким образом, субъективный

возраст человека становится стержневым образованием в психической организации и поведении человека, выступая психологическим механизмом регуляции поведения, преодоления стрессовых ситуаций, включая старение в целом.

Представленные работы верифицируют представления о контроле поведения как регуляторной функции субъекта и тесной взаимосвязи с функциями личности.

Модель психического как когнитивная функция и ее развитие. Модель психического – это способность понимать собственные психические состояния (чувства, мысли, эмоции, намерения) и состояния Другого. Такое понимание предполагает наличие внутренних репрезентационных моделей. Модель психического как ментальная основа когнитивной функции субъекта изучалась в сравнительном анализе у детей 3–10 лет с типичным и атипичным развитием и в условиях семейной депривации. Показано, что, несмотря на различные выборки исследований и их фокус (изучение понимания эмоций, обмана, понимание физического и ментального мира), подтвердилась правомерность выделения принципиально различных уровней модели психического и организации ментальных моделей.

За последние годы выполнены новые исследования модели психического у детей и пожилых людей.

В исследовании *Е.И. Лебедевой* модели психического в дошкольном и младшем школьном возрасте показана неравномерность развития собственных неверных мнений и понимание неверных мнений Другого. Выявлены факторы, предсказывающие развитие модели психического в дошкольном возрасте: уровень вербального интеллекта, понимание визуальной перспективы, понимание желаний и источника знаний людей. Понимание задач на неверные мнения и понимание ментальных состояний в ситуациях, максимально приближенных к естественным, достоверно связаны с уровнем невербального интеллекта, что, возможно, отражает необходимость развития способности понимания психического и опоры на общие интегративные интеллектуальные способности, обеспечивающие связанность частей объектов или событий, что заложено в задачах на невербальный интеллект [14].

Еще одним доказательством предположения, что модель психического становится когнитивным внутренним механизмом понимания, служат исследования взаимосвязи уровня развития модели психического с коммуникативной

успешностью детей дошкольного возраста, выполняемые *А.Ю. Улановой* под руководством *Е.А. Сергиенко*. Впервые выполнено исследование процесса и результата коммуникации у детей 4 и 6 лет (всего 50 пар и 100 интеракций). Каждый ребенок выступал в роли агента и реципиента коммуникации. Предметом взаимодействий служили рассказы о физических и ментальных событиях, а также юмористическая история. Кроме реальных партнеров по коммуникации были и виртуальные партнеры, выбор которых диктовался пониманием наличия психического и спецификой стоящих задач. Кроме того, анализировался уровень развития модели психического с использованием блока задач.

В результате общего анализа эмпирических данных показано, что развитие модели психического (общего показателя и отдельных параметров) связано с успешностью передачи информации и пониманием сообщений по описанию Другого. Развитие происходит согласованно и отражает переход от уровня агента к наивному субъекту. Дети, лучше понимающие различные феномены психического мира, чаще достигают понимания другими участниками коммуникации, т.е. более коммуникативно успешны. Успешность участников коммуникации опирается на уровень развития модели психического как своей, так и партнера. Возможность выделения субъектности и установления субъект—субъектных отношений в коммуникации обеспечивает успешность участника коммуникации как в роли агента, так и реципиента информации [38; 39]. Полученные результаты о тесной связи развития модели психического с коммуникативной успешностью в совокупности с результатами исследований понимания телевизионной рекламы на разных уровнях развития модели психического у детей дошкольного возраста позволяют полагать, что модель психического является ментальным механизмом социального познания и социализации [33].

Проведено экспериментальное исследование когнитивной и эмоциональной составляющих модели психического у пожилых (55–74) и старых людей (75–90 лет), всего 193 человека. Исследование показало, что даже при благополучном старении (сохранности когнитивной и эмоциональной сфер) у пожилых и особенно старых людей наблюдается снижение как эмоциональной, так и когнитивной составляющих модели психического. Пожилые и особенно старые люди хуже распознают негативные и нейтральные эмоции, что характерно и для детей 3–4 лет. Понимание

обмана и особенно иронии существенно снижается с возрастом. Это вызывает трудности в социальных ориентациях и адаптации пожилых и старых людей [16].

В социальной перцепции существуют базовые, слабо осознаваемые или неосознаваемые механизмы, настраивающие и подстраивающие опознавание агента, как представителя определенного пола, которому атрибутируются социально-психологические характеристики. В предыдущих исследованиях *Е.А. Никитиной* было показано, что только на основе восприятия лица даже у новорожденных, а также детей, молодых и пожилых людей происходит половая идентификация, не требующая дополнительных маркеров. В настоящее время исследуется привлекательность лиц как предиктор отношения матери и ребенка. Проведены исследования роли привлекательности лица и других факторов во взаимодействии матери со своими детьми 4–36 мес. (5 диад мать—ребенок). Показано, что не было обнаружено прямых связей между оценками привлекательности ребенка и поведением матери и/или характеристиками ребенка, однако эти связи опосредуются полом, возрастом ребенка, особенностями протекания беременности матери и такими показателями когнитивного контроля ребенка как ориентация/вовлеченность в задание и уровень психического развития (*MDI*). Это является еще одним доказательством неоднозначности соотношения родительского поведения и особенностей ребенка и важности учета индивидуальных характеристик ребенка при анализе родительско-детского взаимодействия [5].

Краткий анализ разработки субгипотез (контроля поведения и модели психического) системно-субъектного подхода позволяет говорить об их продуктивности и возможности показать психологические изменения, происходящие в развитии субъекта как целостного интегративного образования. Принцип развития, обогащенный и расширенный принципом субъекта, пронизывает поиски общих психологических концепций, что способствует рождению новых теоретических и эмпирических решений.

Изменения в уровне психической организации отражают качественные изменения в процессе развития, происходящие в социально-экономическом, культурном, политическом контексте, что вносит свой вклад в содержательные компоненты личностного ядра, действующие на становление индивидуальности, выборы и активность субъекта. Вместо субтеорий, предложенных в общей модели психического развития

Самероффом, в изложенной в статье гипотезе предполагается изучать прежде всего единые, но специфично реализуемые функции развития субъекта и личности. Развитие и субъекта, и личности как двух важнейших сторон психического развития человека происходит на всем протяжении его онтогенеза.

Таким образом, в кратком изложении экспериментальных исследований видно, что они покрывают широкое поле задач и ситуаций, принципиально важных для проверки гипотетических предположений с позиций системно-субъектного и субъектно-аналитического подходов. Хотелось бы подчеркнуть, что обращение к внутреннему миру, опосредующему бытие, поведение человека, ярко выступающие в изложенных работах, проявляется принципиальная методологическая новизна, характерная для нового этапа развития психологической науки, развития познания. Именно обращение к субъекту, развитие которого прослеживается от рождения до старости, становится ключевой приметой современной психологической науки, реализацией принципа развития.

В заключение данной обобщающей статьи, содержащей краткие итоги работы представляемой лаборатории за последние 5 лет, нельзя не отметить формальные показатели продуктивности ее работы. Лаборатория выпустила 2 монографии: Знаков В. В. “Психология понимания мира человека”, М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2016; Сергиенко Е. А., Таланова Н. Н., Лебедева Е. И. “Телевизионная реклама и дети”, М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2013. Также были выпущены коллективные монографии и сборники научных трудов, среди них: “Психологические проблемы современного российского общества”, ответственные редакторы А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко, М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2012; “Человек, субъект, личность в современной психологии. Материалы Международной конференции, посвященной 80-летию А.В. Брушлинского”, в 3 томах, ответственные редакторы А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко, М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2013; “Психология человека и общества: Научно-практические исследования” под редакцией А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко, Н.В. Тарабриной, М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2014.

Лаборатория также подготовила в 2012–2016 г. 3 выпуска “Психологические исследования” в серии “Труды молодых ученых”, в которых опубликованы статьи начинающих исследователей. За 5 лет сотрудники лаборатории опубликовали 158 статей в научных журналах и сборниках. За

эти годы защищены 9 кандидатских и 1 докторская диссертации, под научным руководством Е.А. Сергиенко.

Реструктуризация Института психологии РАН привела к объединению лабораторий под общим названием “Психология развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях”, под руководством Н.Е. Харламенковой. Надеемся, что усиленная численно и профессионально объединенная лаборатория будет развиваться продуктивно и способствовать новым научным поискам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анцыферова Л.И.* Методологические проблемы психологии развития // Принцип развития в психологии / Отв. ред. Л.И. Анцыферова. М.: Наука, 1978. С. 3–20.
Antsyferova L. I. Metodologicheskie problemy psikhologii razvitiya // Printsip razvitiya v psikhologii / Отв. ред. L.I. Antsyferova. Moscow: Nauka, 1978. P. 3–20.
2. *Асмолов А.Г.* Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психол. исследования: электрон. науч. журн. 2015. Т. 8. № 40. С. 1. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1109-asmolov40.html> (дата обращения: 16.02.2016).
Asmolov A. G. Psikhologiya sovremennosti: vyzovy neopredelennosti, slozhnosti i raznoobraziya // Psikhol. issledovaniya: elektron. nauch. zhurn. 2015. Vol. 8. № 40. P. 1. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1109-asmolov40.html> (data obrascheniya: 16.02.2016).
3. *Вантеева Е.В., Сергиенко Е.А.* Динамика контроля поведения в процессе адаптации детей к детскому саду // Психология и психотехника. 2015. № 5. С. 511–522.
Vanteeva E. V., Sergienko E. A. Dinamika kontrolya povedeniya v protsesse adaptatsii detei k detskomu sadu // Psikhologiya i psikhotehnika. 2015. № 5. P. 511–522.
4. *Виленская Г.А.* Развитие контроля поведения у детей 3–6 лет // От истоков к современности: 130 лет организации психологического общества при Московском университете: Сборник материалов юбилейной конференции в 5 томах: Т. 4. / Отв. ред. Д.Б. Богоявленская. М.: Когито-Центр, 2015. С. 101–103.
Vilenskaya G. A. Razvitie kontrolya povedeniya u detei 3–6 let // Ot istokov k sovremennosti: 130 let organizatsii psikhologicheskogo obshchestva pri Moskovskom universite: Sbornik materialov yubileinoi konferentsii

- v 5 tomakh: Vol. 4. / Otv. red. D.V. Bogoyavlenskaya. Moscow: Kogito-Tsentr, 2015. P. 101–103.
5. *Виленская Г.А., Никитина Е.А.* Привлекательность детских лиц и взаимодействие матери и ребенка // Семья, брак и родительство в современной России / Под ред. А.В. Махнач, К.Б. Зуева. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2015. С. 307–314.
Vilenskaya G. A., Nikitina E. A. Privlekatel'nost' detskikh lits i vzaimodeistvie materi i rebenka // Sem'ya, brak i roditel'stvo v sovremennoi Rossii / Pod red. A.V. Makhnacha, K.B. Zueva. Moscow: Izd-vo “Institut psikhologii RAN”, 2015. P. 307–314.
 6. *Гусельцева М.С.* Культурно-аналитический подход в психологии и методологии междисциплинарных исследований // Вопросы психологии. 2009. № 5. С. 17–27.
Gusel'tseva M.S. Kul'turno-analiticheskii podkhod v psikhologii i metodologii mezhdistsiplinarnykh issledovaniy // Voprosy psikhologii. 2009. № 5. P. 17–27.
 7. *Гусельцева М.С.* Принцип развития в психологии: вызовы полипарадигмальности и трансдисциплинарности // Принцип развития в современной психологии / Оtv. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2016.
Gusel'tseva M.S. Printsip razvitiya v psikhologii: vyzovy poliparadigmal'nosti i transdistsiplinarnosti // Printsip razvitiya v sovremennoi psikhologii / Otv. red. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko. Moscow: Izd-vo “Institut psikhologii RAN”, 2016.
 8. *Знаков В.В.* Многомерный мир человека: типы реальности, понимания и социального знания // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2012. № 3. С. 18–29.
Znakov V.V. Mnogomernyi mir cheloveka: tipy real'nosti, ponimaniya i sotsial'nogo znaniya // Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 14. Psikhologiya. 2012. № 3. P. 18–29.
 9. *Знаков В.В.* Теоретические основания психологии человеческого бытия // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 2. С. 29–38.
Znakov V.V. Teoreticheskie osnovaniya psikhologii chelovecheskogo bytiya // Psikhologicheskii zhurnal. 2013. Vol. 34. № 2. P. 29–38.
 10. *Знаков В.В.* Психология понимания мира человека. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2016.
Znakov V.V. Psikhologiya ponimaniya mira cheloveka. Moscow: Izd-vo “Institut psikhologii RAN”, 2016.
 11. *Киселева Т.С., Сергиенко Е.А.* Эмоциональный интеллект как фактор эффективности жизнедеятельности человека // Бизнес-анализ и поведенческая экономика: Межвузовский сборник научных трудов и результатов совместных научно-исследовательских проектов. М.: ТЕЗАУРУС, 2015. С. 151–161.
Kiseleva T.S., Sergienko E.A. Emotsional'nyi intellekt kak faktor effektivnosti zhiznedeyatel'nosti cheloveka // Biznes-analiz i povedencheskaya ekonomika: Mezhhuzovskii sbornik nauchnykh trudov i rezul'tatov sovmestnykh nauchno-issledovatel'skikh proektov. Moscow: TEZAURUS, 2015. P. 151–161.
 12. *Корнилова Т.В.* Принцип неопределенности в психологии выбора и риска // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40. С. 3. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 15.01.2016).
Kornilova T.V. Printsip neopredelennosti v psikhologii vybora i riska // Psikhologicheskie issledovaniya. 2015. T. 8. № 40. S. 3. URL: <http://psystudy.ru> (data obrashcheniya: 15.01.2016).
 13. *Крюкова Т.Л., Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А.* Основные направления психологических исследований совладающего поведения (вместо предисловия) // Совладающее поведение: современное состояние и перспективы. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2008. С. 7–19.
Kryukova T. L., Zhuravlev A. L., Sergienko E. A. Osnovnye napravleniya psikhologicheskikh issledovaniy sovladayushchego povedeniya (vmesto predisloviya) // Sovladayushchee povedenie: sovremennoe sostoyanie i perspektivy. Moscow: Izd-vo “Institut psikhologii RAN”, 2008. P. 7–19.
 14. *Лебедева Е.И.* Понимание ментального мира в младшем школьном возрасте // Психология – наука будущего. Материалы VI Международной конференции молодых ученых “Психология – наука будущего”, 19–20 ноября 2015 г., Москва / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2015. С. 248–251.
Lebedeva E. I. Ponimanie mental'nogo mira v mladshem shkol'nom vozraste // Psikhologiya – nauka budushchego. Materialy VI Mezhdunarodnoi konferentsii molodykh uchenykh “Psikhologiya – nauka budushchego”, 19–20 noyabrya 2015 g., Moskva / Pod red. A. L. Zhuravleva, E. A. Sergienko. M.: Izd-vo “Institut psikhologii RAN”, 2015. P. 248–251.
 15. *Мелехин А.И., Сергиенко Е.А.* Субъективный возраст как предиктор жизнедеятельности в поздних возрастах // Электронный журнал “Современная зарубежная психология”. 2015. Т. 4. № 3. С. 6–14. <http://psyjournals.ru/jmfp/2015/n3/79056.shtml> (дата обращения: 22.02.2016).
Melekhin A. I., Sergienko E. A. Sub"ektivnyi vozrast kak prediktor zhiznedeyatel'nosti v pozdnykh vozrastakh // Elektronnyi zhurnal “Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya”. 2015. Vol. 4. № 3. P. 6–14. <http://psyjournals.ru/jmfp/2015/n3/79056.shtml> (data obrashcheniya: 22.02.2016).
 16. *Мелехин А.И., Сергиенко Е.А.* Специфика социального познания в пожилом возрасте // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 4. С. 60–77.
Melekhin A. I., Sergienko E. A. Spetsifika sotsial'nogo poznaniya v pozhilom vozraste // Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo. 2015. Vol. 6. № 4. P. 60–77.

17. Павлова Н.С., Сергиенко Е.А. Субъектная и личностная регуляция поведения как проявление индивидуальности человека // Психологический журнал. 2016. Т. 36. № 2. С. 43–56.
Pavlova N. S., Sergienko E. A. Sub"ektnaya i lichnostnaya regulyatsiya povedeniya kak proyavlenie individual'nosti cheloveka // Psikhologicheskii zhurnal. 2016. Vol. 36. № 2. P. 43–56.
18. Поддьяков А.Н. Компликология: создание развивающих, диагностирующих и деструктивных трудностей. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.
Podd'yakov A. N. Komplikologiya: sozдание razvivayushchikh, diagnostiruyushchikh i destruktivnykh trudnostei. Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2014.
19. Принцип развития в современной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: "Институт психологии РАН". 2016.
Printsip razvitiya v sovremennoi psikhologii / Otv. red. A. L. Zhuravlev, E. A. Sergienko. M.: "Institut psikhologii RAN". 2016.
20. Прохоров А.О. Рефлективный слой психического состояния // Мир психологии. 2006. № 2. С. 38–49.
Prokhorov A. O. Refleksivnyi sloi psikhicheskogo sostoyaniya // Mir psikhologii. 2006. № 2. P. 38–49.
21. Психологические исследования проблем современного российского общества / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2013.
Psikhologicheskie issledovaniya problem sovremennogo rossiiskogo obshchestva / Otv. red. A. L. Zhuravlev, E. A. Sergienko. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2013.
22. Психологические проблемы современного российского общества / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2012.
Psikhologicheskie problemy sovremennogo rossiiskogo obshchestva / Otv. red. A. L. Zhuravlev, E. A. Sergienko. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2012.
23. Психология: современные направления междисциплинарных исследований: Материалы научной конференции. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2003.
Psikhologiya: sovremennye napravleniya mezhdistsiplinarnykh issledovaniy: Materialy nauchnoi konferentsii. M.: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2003.
24. Психология человека и общества: научно-практические исследования / Под ред. Журавлева А.Л., Сергиенко Е.А., Тарабриной Н.В. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2014.
Psikhologiya cheloveka i obshchestva: nauchno-prakticheskie issledovaniya / Pod red. Zhuravleva A. L., Sergienko E. A., Tarabrinoy N. V. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2014.
25. Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Володиной. М.: ПЕР СЭ, 2002.
Psikhologiya individual'nogo i gruppovogo sub"ekta / Pod red. A. V. Brushlinskogo, M. I. Volovikovo. Moscow: PER SE, 2002.
26. Сергиенко Е.А., Виленская Г.А., Ковалева Ю.В. Контроль поведения как субъектная регуляция. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2010.
Sergienko E. A., Vilenskaya G. A., Kovaleva Yu. V. Kontrol' povedeniya kak sub"ektnaya regulyatsiya. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2010.
27. Сергиенко Е.А., Ветрова И.И. Тест Дж. Мэйера, П. Сэловея и Д. Карузо "Эмоциональный интеллект" (MSCEIT v. 2.0.). Руководство. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2010.
Sergienko E. A., Vetrova I. I. Test Dzh. Meeiera, P. Seloveya i D. Karuzo "Emotsional'nyi intellekt" (MSCEIT v. 2.0.). Rukovodstvo. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2010.
28. Сергиенко Е.А. Системно-субъектный подход: обоснование и перспектива. // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 1. С. 120–132.
Sergienko E. A. Sistemno-sub"ektnyi podkhod: obosnovanie i perspektiva. // Psikhologicheskii zhurnal. 2011. Vol. 32. № 1. P. 120–132.
29. Сергиенко Е.А. Принципы психологии развития: современный взгляд // Психологические исследования. 2012. Т. 5. № 24. С. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 14.09.2016).
Sergienko E. A. Printsipy psikhologii razvitiya: sovremennyy vzglyad // Psikhologicheskie issledovaniya. 2012. T. 5. № 24. S. 1. URL: http://psystudy.ru (data obrashcheniya: 14.09.2016).
30. Сергиенко Е.А. Субъективный и хронологический возраст человека // Психологические исследования. 2013. № 30. С. 10. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 14.09.2016).
Sergienko E. A. Sub"ektivnyi i khronologicheskii vozrast cheloveka // Psikhologicheskie issledovaniya. 2013. № 30. P. 10. URL: http://psystudy.ru (data obrashcheniya: 14.09.2016).
31. Сергиенко Е.А. Соотношение функций субъекта и личности в период взрослости // Психологические исследования проблем современного российского общества / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2013. С. 254–283.
Sergienko E. A. Sootnoshenie funktsii sub"ekta i lichnosti v period vzroslosti // Psikhologicheskie issledovaniya problem sovremennogo rossiiskogo

- obshchestva / Pod red. A. L. Zhuravleva, E. A. Sergienko. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2013. P. 254–283.
32. *Сергиенко Е.А.* Психология развития: идеи Л.И. Анцыферовой и их разработка (к 90-летию со дня рождения Л.И. Анцыферовой) // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 6. С. 25–34.
- Sergienko E. A.* Psikhologiya razvitiya: idei L.I. Antsyferovoi i ikh razrabotka (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya L.I. Antsyferovoi) // Psikhologicheskii zhurnal. 2014. Vol. 35. № 6. P. 25–34.
33. *Сергиенко Е.А.* Модель психического как парадигма познания социального мира // Психологические исследования. 2014. № 36. С. 6. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 14.09.2016).
- Sergienko E. A.* Model' psikhicheskogo kak paradigma poznaniya sotsial'nogo mira // Psikhologicheskie issledovaniya. 2014. № 36. P. 6. URL: <http://psystudy.ru> (data obrashcheniya: 14.09.2016).
34. *Сергиенко Е.А., Киреева Ю.Д.* Индивидуальные варианты субъективного возраста и их взаимосвязи с факторами временной перспективы и качеством здоровья // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 3. С. 39–51.
- Sergienko E. A., Kireeva Yu.D.* Individual'nye varianty sub"ektivnogo vozrasta i ikh vzaimosvyazi s faktorami vremennoi perspektivy i kachestvom zdorov'ya // Psikhologicheskii zhurnal. 2015. Vol. 36. № 3. P. 39–51.
35. *Сергиенко Е.А., Мелехин А.И.* Модель психического: гетерогенность изменений в пожилом и старческом возрасте // Человек. Сообщество. Управление. 2016. Т. 17. № 1. С. 26–42.
- Sergienko E. A., Melekhin A. I.* Model' psikhicheskogo: geterogennost' izmenenii v pozhilom i starcheskom vozraste // Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie. 2016. Vol. 17. № 1. P. 26–42.
36. *Совладающее поведение: Современное состояние и перспективы.* М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2008.
- Sovladayushchee povedenie: Sovremennoe sostoyanie i perspektivy.* Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2008.
37. *Стресс, выгорание, совладание в современном контексте.* М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2011.
- Stress, vygoranie, sovladanie v sovremennom kontekste.* M.: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2011.
38. *Уланова А.Ю., Сергиенко Е.А.* Информационная успешность коммуникации на разных этапах развития модели психического // Экспериментальная психология. 2015. Т. 8. № 1. С. 60–72.
- Ulanova A.Yu., Sergienko E. A.* Informatsionnaya uspeshnost' kommunikatsii na raznykh etapakh razvitiya modeli psikhicheskogo // Eksperimental'naya psikhologiya. 2015. Vol. 8. № 1. P. 60–72.
39. *Уланова А.Ю., Сергиенко Е.А.* Развитие представлений о ментальном и физическом в пересказах детей дошкольного возраста // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. URL: <http://www.science-education.ru/121-17834> (дата обращения: 16.03.2015).
- Ulanova A.Yu., Sergienko E. A.* Razvitie predstavlenii o mental'nom i fizicheskom v pereskazakh detei doshkol'nogo vozrasta // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2015. № 1. URL: <http://www.science-education.ru/121-17834> (data obrashcheniya: 16.03.2015).
40. *Феномен и категория зрелости в психологии / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко.* М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2007.
- Fenomen i kategoriya zrelosti v psikhologii / Pod red. A.L. Zhuravleva, E.A. Sergienko.* Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2007.
41. *Чистякова Н.В., Сергиенко Е.А.* Генотип-средовое взаимодействие: молекулярно-генетический подход к изучению волевого контроля в период беременности // Российский психологический журнал, 2012. Т. 9. № 4. С. 22–33.
- Chistyakova N. V., Sergienko E. A.* Genotip-sredovoe vzaimodeistvie: molekulyarno-geneticheskii podkhod k izucheniyu volevogo kontrolya v period beremennosti // Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal, 2012. Vol. 9. № 4. P. 22–33.
42. *Холодная М. А.* Когнитивные стили: О природе индивидуального ума. Уч. пособие. М.: ПЕРСЭ, 2002.
- Kholodnaya M. A.* Kognitivnye stili: O prirode individual'nogo uma. Uch. posobie. Moscow: PERSE, 2002.
43. *Barak B.* Age identity: A cross-cultural global approach // Intern. Journ. of behavioral development. 2009. Vol. 33. N.1. P. 2–11.
44. *Overton W.F., Ennis M. D.* Cognitive-developmental and behavior-analytic theories: Evolving into complementarity // Human Development. 2006. Vol. 49. P. 143–172.
45. *Sameroff A.* A unified theory of development: a dialectic integration of nature and nurture // Child Development. 2010. Vol. 81. N. 1. P. 6–22.
46. *Thelen E., Bates E.* Connectionism and dynamic systems: are they really different? // Developmental Science. 2003. Vol. 6. Issue 4. P. 378–392.

REALIZATION OF THE PRINCIPLE OF DEVELOPMENT IN THE PSYCHOLOGY OF SUBJECT

E. A. Sergienko

*Sc.D. (psychology) professor, head of laboratory of psychology of development,
Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

The paper summarizes the results of the scientific work of the laboratory of psychology for the last five years, on the anniversary of the Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences. The theoretical development laboratories: system-subject and subject-analytical approaches, are observed as reflecting the development of the psychology of the subject in psychology. These approaches implement the principle of development in today's enriched and extended version (the principles of subjectivity, systematic, continuous). It reveals the possibility of creating integrative psychology of the subject. Experimental studies have verified the theoretical hypothesis, generalize and correct theoretical approaches.

Key words: the principle of development, the principle of subjectivity, system-subject approach, subject-analytical approach, control of behavior, theory of Mind, existential experience.